

Abner Cohen**Представление себя в повседневной жизни**

Abner Cohen. Two-dimensional man. University of California Press, 1974. С. 53-60.

Перевод Фатеевой Н.В.

Политический порядок институционализируется в обществе, когда он интегрируется в его экономическую, религиозную, моральную и идеологическую структуры. Таким образом, процесс институциональной дифференциации, которая сопровождает изменение от первобытного к индустриальному обществу, уравнивается процессом институциональной реинтеграции. На индивидуальном уровне односторонние отношения имеют склонность становиться сложными отношениями. Всякий раз, когда люди действуют сообща в рамках формальной ассоциации с единым интересом, они взаимодействуют как целостные личности и вскоре создают неформальные социальные отношения, которые совсем необязательно являются составляющими формальной ассоциации.

Эта сторона процесса институционализации станет понятней, если мы исследуем социо - символические аспекты самости. Действительно, для современного индустриального общества характерна значительная институциональная дифференциация, но различные, формально очерченные институты существуют посредством целостных персональностей – посредством «Я». Личность играет различные роли и вступает в договорные односторонние отношения с разными личностями. Таким образом, сотрудник включается в рамки фирмы, в которой он работает, лишь в качестве рабочего. Подобным же образом, когда он вступает в формальное политическое объединение, то формально он включается только лишь в таком качестве. Так, можно проанализировать Я в качестве отдельных ролей, каждая из которых проигрывается в отдельной социальной области. Психологи описывают это как «сегментарную включенность», то есть, когда личность включена в эти односторонние организации только лишь сегментом своей персональности. Общность ролей, которые личность проигрывает в обществе, названа Рэдклифом – Брауном «социальной персональностью».

Но персональность может быть сегментирована таким образом только лишь до некоторой степени, поскольку в противном случае личность не сможет исполнять свои особые роли в качестве человека. Действительно, рабочий включен в свою работу только лишь в качестве договорной роли. Но эта роль может эффективно проигрываться, только если рабочий включает в нее всю свою персональность. Если это не так, то есть, если роль исключительно механическая и она не нуждается в каком-либо спонтанном человеческом суждении, то она будет обезличена, а стало быть, станет излишней в качестве человеческой роли. Она будет заменяемой машиной. Таким образом, не суть важно, как специализированна договорная роль, она требует суждения и действия всей личности и включает, по крайней мере, на некоторых стадиях, взаимодействие с другими людьми. Это значит, что даже для исполнения

особой договорной роли вовлекается целостная персональность. Некоторые роли требуют большей вовлеченности целостной личности, нежели другие.

Таким образом, личность не может действовать в обществе иначе, как действуя в качестве *единого Я*. Этого единства, или самости, можно достичь, только когда различные роли, которые личность проигрывает, все интегрируются в единую систему или целостность – «Я» или «Эго». Если роли несовместимы, каким они действительно часто склонны быть, они должны примиряться друг с другом через некоторые опосредованные механизмы.

Эта психическая система, или самость, не есть то, что мы приобретаем с рождения, в качестве нашей человечности. Это достигается посредством социального взаимодействия с другими людьми. Кроме того, это не обретается раз и навсегда в течение нашего младенчества, как утверждают некоторые психоаналитики, но находится в постоянном свершении. Нашей самости постоянно грозит разобщенность со стороны разрушительных изменений, которые характеризуют нашу вовлеченность в социальные роли и в социальную деятельность. Наша идентичность не есть чисто субъективное образование. Субъективное «Я» неустойчиво и может поддерживаться лишь благодаря постоянному взаимодействию в обществе.

Эта проблема постоянного развития и поддержания самости становится тем более острой, чем более фрагментарны роли, которые мы играем, и чем более они несовместимы друг с другом. Таким образом, мы можем утверждать состояние баланса или равновесия между фрагментарной природой социальных ролей и мощью самости. Чем больше фрагментарность и несовместимость наших ролей в обществе, тем внушительнее мощь самости. Если человеку не удастся достичь такого равновесия в своей собственной персональности, он утрачивает свою самость, единство «Я» и, таким образом, становится «психическим случаем», которому требуется клиническая помощь.

Самость достигается человеком, когда он взаимодействует с другими людьми всей своей персональностью. Исполняя одну в высшей степени специализированную договорную роль, целостность Я минимально включена. С другой стороны, максимальное вовлечение Я достигается посредством недоговорных, неутилитарных ролей и посредством деятельности в символическом действии. Как говорит Моррис: «Люди в высшей степени индивидуальны и персональны, когда они вовлечены в театральное действие». Символическое действие почти что по определению - это действие, включающее целостность личности, в том числе его мышление, его чувства и переживания. Эта проблема хорошо освещена в анализе ритуального символа у Тернера. Ритуальный символ включает в одном образовании множество расходящихся значений, также как полярность чувствительных и идеологических черт. Поскольку символы разнятся в своей силе, чем сильнее символ, тем целостнее включенность Я. Практически в любом социальном действии представлено и символическое, и договорное, но какая-то деятельность в большей степени символична и в меньшей степени договорна, чем другие. С одной стороны, есть идеально прочувствованные чисто

договорные сегментарные роли, а с другой стороны – чисто символические образцы действия, включающие лишь целостность личности. Тернер недавно осветил это различие, отсылая к одной крайности континуума, как к «структуре», а к другой – как к «обществу». Большинство видов социальной деятельности частично - символически, частично - договорны.

Таким образом, в символическом действии различные, часто несовместимые роли вместе интегрированы в целостность самости. Если благоприятная возможность для символического действия в нашем обычном включении в «структуру», если использовать тернеровскую терминологию, минимальна, если наша работа включает в себя напряженные, зачастую несовместимые договорные виды деятельности в отсутствии возможности для необходимого измерения символического действия, то мы стараемся восстановить равновесие, включаясь в досуг. Часто нам необходимо периодически отрываться от нашей работы, не потому что мы физически истощены, но по той причине, что договорная «структура», которая нас захватывает в нашей повседневной обыденной жизни, все больше и больше, все сильнее и сильнее разрушает целостность нашей самости. Часто нам необходимо периодически отрываться не для того, чтобы быть один на один с собой, но, наоборот, чтобы быть в «обществе» с другими, чтобы взаимодействовать с другими людьми, с которыми договорно мы минимально связаны.

Источник обязательства, «долженствования», за этим непреодолимым элементом есть процесс непрерывного создания и воссоздания самости. Нельзя помыслить «Я» вне символического взаимодействия с другими. Это аксиома. Но, конечно же, символическое взаимодействие не ограничивается лишь родственными или дружескими отношениями, но оно является элементом практически всех социальных отношений.

Данное исследование граничит с психологией. Действительно, обремененность психологизмом, стремление объяснять социо-культурные феномены посредством психических процессов и психических потребностей широко угрожающе нависало всякий раз, когда социальные антропологи обращали внимание на главный из всех социо-культурных феноменов – на самого человека. Глюкману, который подробно исследовал взаимоотношение социального конфликта и ритуала, в течение многих лет приходилось сталкиваться с раздосадованными критиками, особенно из США, которые полагали, что его истолкование социального конфликта было представлено как психический конфликт. Для социального антрополога, развивающегося внутри структурно-функционалистской традиции, нет ничего более раздражающего. В ответ на эту критику, Глюкман вел постоянную полемику, чтобы указать, что, несмотря на то, что психический конфликт может сопутствовать социальному конфликту, его истолкование носит чисто социологический характер и не имеет ничего общего с психологией. Ритуалы восстаний - это не постоянные стихийные творения людей, переживающих социальные конфликты, но социальные факты сами по себе, коллективные представления, которые сдерживают индивида и которые передаются из поколения в поколение.

Индивиды, следующие им, могут испытывать психический конфликт, который может смягчаться благодаря ритуалу. Но, с другой стороны, многие другие люди, которые не испытывают подобных конфликтов, побуждались ритуалами к переживанию этих конфликтов. Психический конфликт вызван социальным порядком, и именно существующий социальный порядок обеспечивает социальные механизмы для повторяющегося, временного разрешения этих конфликтов.

Этот спор, конечно же, будет постепенно разворачиваться для разрешения этой проблемы, часто совершаемый, главным образом, против социальной антропологии, за то, что она исключает человека, детерминистски определяя его посредством внешних сил, ничего не оставляя для индивидуального творчества и для свободы воли.

Основная причина возникновения этой полемики – это то, что многие социальные антропологи, верные своему синхронному и целостному подходу, изучают общества, как стабильные постоянные системы отношения. Тернер и Глюкман утверждают, что системы, которые они анализируют, находятся в состоянии равновесия или повторяющихся равновесий. В такой системе и конфликт, и ритуалы, разрешающие его, порождены системой. В этих условиях можно рассматривать самость, как постоянную величину, а не как переменную, и поэтому можно избежать ее анализа, или же ее можно «наивно» постичь и предположить, оставляя ее подробное исследование в компетенции психолога или психоаналитика. Но если же эвристическое предположение стабильности оставить для более динамического видения; если мы изучаем изменяющиеся системы переменных, а не равновесные системы, если мы изучаем процессы символизации, процессы институционализации, то тогда извечная проблема самости станет значимой переменной в социо-культурных процессах. Творческая способность и изобретательность человека станет фактором, непосредственно включенным в социо-культурное изменение.

Действительно, образцы символической деятельности, которые обеспечивают поддержание нашей самости, всегда предоставляются обществом. Когда общество меняется, человек склонен какое-то время продолжать, даже напряженно бороться, с целью сохранения своей идентичности, своей самости, старыми традиционными способами. Социальное изменение всегда угрожает нашей самости, особенно если оно включает ролевые изменения. Мы упорно стараемся поддерживать нашу самость, по-новому истолковывая наши образцы символического действия. И вскоре, резкое изменение в структуре самости становится равноценно самоотрицанию и психологическому самоубийству. Мы можем откровенно просто изменить наше формальное экономическое и политическое поведение. Экономико-политическое поведение руководствуется договорными рационально-осмысленными соображениями, и долгое время мы пытаемся убедиться, что это случайное изменение, часть истории нашей жизни, и потребность не воздействовать на нашу культуру, наши образцы родства и дружбы, образцы нашего взаимодействия с людьми вообще. По-возможности, мы стараемся

приспособиться к новой политико-экономической структуре, переистолковывая наши нынешние образцы символического поведения. Мы стараемся поддерживать наши традиционные образцы родства и дружбы, перенимая их таким образом, как если бы они служили как можно большим новым целям. Вот почему социо-культурное изменение протекает диалектически, а не механически. Самость – это не механическое отражение властных отношений, но независимая сущность, система сама по себе, которая может реагировать на властный порядок и преобразовывать его. Изменение во властном порядке автоматически не вызывает изменения в структуре самости.

Борьба за поддержание самости перед лицом постоянных разрушительных процессов, происходящих в обществе – одна из извечных проблем человека. Она возникает как в простом, так и в современном обществе. Она имеет склонность быть более острой в современном обществе в силу тенденции договорных ролей быть более фрагментарными, более рассеянными и более несовместимыми. Эти разрушительные процессы становятся серьезной угрозой, когда происходит резкое структурное изменение, когда люди подвержены стрессу. Равновесие между самостью и различными ролями испытывает серьезные затруднения. Как результат, ведется активный поиск нового равновесия для преобразованного символического порядка, с целью приспособить Я в рамки нового властного устройства.

Здесь и вступает в действие творческая способность человека. Когда мы истощаем возможности традиционных образцов символического поведения, которые сохраняют нашу идентичность в новых условиях, мы стараемся субъективно создать новые символические образцы самих себя, для того, чтобы иметь дело с новыми образцами взаимодействия. Но субъективная самость – неустойчивая сущность. Наше внутреннее воображение и мысль неустойчивы и ненадежны. Наши идеи и символические образования неопределенны и недостаточно объективны, потому что они не разделяются с другими.

Но люди редко сталкиваются с этой продолжающейся битвой самости безо всякой поддержки. Эта поддержка может принимать различные формы, которые могут действовать одновременно. Когда люди, переживающие некоторые трудности, говорят о своих проблемах и тревогах, они также делятся своими переживаниями и своими символическими формулами. Некоторые индивиды могут оказаться более восприимчивыми, более творческими и более определенными, нежели другие и их формулы могут быть обращены к более широкой, чем формулы других, общности людей, которых мучает та же самая проблема. Именно харизматические лидеры объективируют новые отношения и задают определенные символические формы смутно переживаемым субъективным идеям и образам. Будучи сформулированными, эти символические образования становятся объективной реальностью, противостоящей индивиду извне. Они отныне не являются стихийным творением людей, переживающих трудности. В ходе этого процесса данные символические формы упрощаются, покуда они лишаются неуместных подробностей, порожденных обстоятельствами времени и места, и покуда

драматизируется их основная тема. Они оповседневниваются благодаря введению повторяющихся образцов.

Тем ни менее, эти процессы происходят не в социо-культурном вакууме, но тесно взаимосвязаны с другими процессами в рамках политического контекста, включающего в себя конкурирующие и конфликтующие группы. Новые символические формулы в значительной степени обусловлены этим политическим контекстом. Кроме того, существующие политические группы, огромные корпорации в нашем индустриальном обществе всегда сосредоточены на борьбе друг с другом за контроль не только над какой-то частью самоидентичности своих членов, но по возможности, над всеобщностью их «Я». Целостная политическая партия будет стараться поглощать процесс мышления, чувства и действие своих членов. Крупная индустриальная корпорация будет обеспечивать всецелое благополучие рабочих, предоставляя им развлечения, досуг, схемы помощи и т.д. Членов группы убеждают не только в том, чтобы они старались и содействовали общим целям корпорации, но также, чтобы они развивали товарищеские отношения друг с другом, ели, пили, играли и молились вместе. И это совсем не обязательно по той причине, что всеобщее включение членов в корпорацию необходимо для функционирования корпорации, но также для того, чтобы помешать другим конкурирующим корпорациям установить контроль над всеобщностью «Я» своих членов.

Всеобщность «Я», таким образом, находится под воздействием ожесточенного состязания различных типов властных групп. Всякая главенствующая группа интересов пытается предоставить своим членам универсальную схему жизни, разрешение проблем человека в современном обществе. Всякая главенствующая группа интересов пытается предоставить своим членам готовую матрицу существования, с проектом самости. Рационально и бюрократически организованная группа, действующая как составная легальной структуры общества, минимально будет нуждаться во всеобщности человека, при условии, что никакая конкурирующая группа не будет пытаться требовать ее. Но когда нет таких условий, когда группа не легальна, не рационально организована, то тогда она будет действовать, скорее, на основаниях категорических обязательств, нежели на основании договора. Ее влияние на своих членов будет нормативным, и тем самым, будет включать их всеобщее «Я», а не специализированные сегментированные роли.